

Шэнь Цинжань сделал шаг влево, но Сюэ Фэйфэн беспомощно преградил ему путь:

— Я приревновал, так понятно?

Шэнь Цинжань смертельно перепугался. Его ясные глаза с четко очерченными темными зрачками едва заметно расширились, а рука, сжимавшая рукав Сюэ Фэйфэна, рефлекторно разжалась, и он отступил на шаг назад.

Всё, пропал... Неужто он сыграл на чувствах Сюэ Фэйфэна?!

Взгляд Сюэ Фэйфэна потемнел. Реакция Шэнь Цинжань оказалась точь-в-точь такой, как он и ожидал: та перепугалась, точно мышь, узревшая кота. Сюэ Фэйфэн тщетно попытался объяснить:

— Сама посуди: ты каждый день ни свет ни заря бежишь кормить птицу, потом возвращаешься досыпать. Я готовлю завтрак, зову тебя к столу, а следом ты затворяешься в комнате выращивать грибы и твердишь, мол, пахнет скверно, и меня внутрь не пускаешь... Мы с тобой видимся реже, чем ты с девицей Пань!

И уж тем более реже, чем с цыплятами!

Несколько дней назад, едва закончив с уборкой сахарного тростника, Шэнь Цинжань засадил еще один му земли хлопчатником, устойчивым к вредителям. Поначалу он тоже пытался сажать хлопок как попало, однако система сообщила, что из-за неподходящего сезона семена не дадут всходов. Позже тот му земли он отдал под картофель.

Но Шэнь Цинжань упорно желал вырастить хлопок. Он боялся, что просто не дождет весны: Сюэ Фэйфэн твердо намерен встретиться с его «кузеном» на пятнадцатый день первого лунного месяца. Шэнь Цинжань и сам не понимал, почему именно в этом вопросе ему ни за что не переупрямить Сюэ Фэйфэна, хотя во всех остальных вещах тот легко шел на уступки.

Сюэ Фэйфэн постоянно ходил в тонком однослойном платье и, как и сам Шэнь Цинжань, совершенно не умел обрабатывать землю. Поэтому Шэнь Цинжань хотел заранее вырастить для него му хлопка — да обязательно стойкого к вредителям, — в надежде, что на будущую зиму его зимняя одежда уже не будет выглядеть столь скудно.

Системе пришлось долго копаться в базах данных, прежде чем она подобрала для Шэнь Цинжаня холодостойкий сорт, способный прорасти прямо зимой — его только-только вывели в одном из подведомственных НИИ. Считаю, повезло.

Шэнь Цинжань изо дня в день посылал Сюэ Фэйфэна работать в поле, непрестанно твердя о важности этих пяти му земли. А у Сюэ Фэйфэна при мысли о том, что все эти семена так или иначе связаны с «кузеном», на душе становилось тошно и мутно.

Но еще досаднее было то, что они с Шэнь Цинжань за день перебрасывались меньшим количеством слов, чем тта успевала наговорить Пань Юньси!

Шэнь Цинжань, увидав, что Сюэ Фэйфэн съехал на Пань Юньси, тут же перевел дух: не мог же Сюэ Фэйфэн всерьез ревновать к молоденькой девушке — тут даже пол не сходилась!

Выходит, «младшему брату» просто-напросто не хватает внимания!

Шэнь Цинжань отнесся к этому с пониманием и, когда Сюэ Фэйфэн предложил сегодня никуда

не ходить, с готовностью кивнул.

Все равно вчера птицу накормили от пуза, один день без еды с ними ничего не случится.

А позже он все равно тайком прошмыгнет на улицу и покормит цыплят.

Шэнь Цинжань встал ни свет ни заря, так что, перекинувшись с Сюэ Фэйфэном лишь парой фраз, зазевал до слез. Он изо всех сил пытался держать веки открытыми, но намокшие от слез ресницы тяжело опускались на нижние веки.

Сюэ Фэйфэн взъерошил ее волосы и мягко проговорил:

— Спи.

Едва Шэнь Цинжань заснула, выражение лица Сюэ Фэйфэна мгновенно переменилось: он запер дверь снаружи и вышел. Глаза Пань Юньси опухли, точно спелые персики. Завидев пышущего гневом Сюэ Фэйфэна, она едва сдержалась, чтобы не разрыдаться во весь голос.

Сюэ Фэйфэн окинул ее ледяным взглядом:

— Все готово?

— Угу, — подтвердила Пань Юньси, утирая глаза.

Сегодня утром она услышала бешеный хлопот крыльев, поспешно накинула одежду, выбежала во двор и увидела, что в заброшенном пруду цыплята и утята один за другим валяются на земле. Прежде шумные и задиристые малыши, любившие вытягивать шеи и клевать друг друга за хвостики, один за другим испустили дух.

Пух у утят все так же ослепительно белел, точно свежий снег, а на грудках еще сохранялось живое тепло. А петушок, любивший гоняться за несушками и щипать их за перья, свесил алый гребешок, беспомощный и неспособный больше сражаться, совсем как павший в бою новобранец.

Губы Пань Юньси моментально побелели. Рыдая, она обследовала каждого цыпленка и утенка.

Все мертвы.

Птица, которую вверила ей Шэнь Цинжань, человек, что так искренне ей доверился... Все погибли!

Сюэ Фэйфэн, поднявшись утром приготовить завтрак, заметил перепуганную насмерть Пань Юньси, перехватил ее и допросил. Выведав суть дела, он тут же бросил взгляд на плотно закрытую дверь комнаты, на мгновение замер в молчании и велел:

— Ступай прямо сейчас в деревню и купи двадцать цыплят и двадцать утят. Запомни: точно такого же размера!

— Но... — икая от слез, пролепетала Пань Юньси. Кто же не узнает собственную птицу? Ей самой достаточно было глянуть издали, чтобы отличить своих цыплят от птицы тетушки Чжан.

«А вот Шэнь Цинжань вряд ли отличит», — с уверенностью подумал Сюэ Фэйфэн.

Сюэ Фэйфэн протянул Пань Юньси слиток серебра:

— Мне все равно, сколько денег ты потратишь и какой способ найдешь. Главное — подменить их до того, как проснется Шэнь Цинжань. Если не справишься даже с этим, впредь к Цинжань и близко не подходи!

Стоит ему протянуть время и не пускать Шэнь Цинжана пару дней — а подрастающая птица меняется с каждым днем, — как Шэнь Цинжань и подавно ничего не заметит.

Пань Юньси оказалась девушкой проворной и быстро наскребла по всей деревне Лицзяцунь точно таких же по размеру цыплят и утят. Спасибо ее привычке часами расспрашивать соседей о тонкостях птицеводства — она знала хозяйство каждого двора как свои пять пальцев.

Сюэ Фэйфэн осмотрел загон: на его взгляд, разницы и впрямь не было никакой.

— Ладно. Главное — сама не сплосай, а Шэнь Цинжань ничего не заметит.

Его острый, точно клинок, взгляд метнулся к дому семейства Пань, где за окном, оклеенным бумагой, юркнула в тень чья-то смутная тень.

— Хочешь, чтобы никто не узнал, — сам не делай, — с ледяной ухмылкой процедил Сюэ Фэйфэн. На глазах у Пань Юньси он оторвал от своего пола кусок ткани, обмотал им лицо и направился прямо к жилищу Хуан Эра.

Ранним утром Хуан Эр проснулся оттого, что к его горлу было приставлено холодное лезвие меча. Морозное дыхание стали пробирало до самых костей, кровь стыла в жилах, и он едва не подпустил в штаны прямо на постели:

— Ге... Герой...

— Кому ты за последнее время покупал крысиный яд?

Сюэ Фэйфэн из-за Шэнь Цинжань приглядывал за Хуан Эром и близко не подпускал его к своему дому. Хуан Эр только вчера вернулся в деревню, а сегодня птица уже подохла. Откуда Пань Юньшань раздобыл яд — стоит ли вообще гадать?

Хуан Эр частенько доставал для сельчан всякую грязь и пакость: за звонкую монету он готов был хранить тайну до гроба. Но столкнувшись с настоящей смертью, куда только делись его «принципы»:

— П... Пань Юньшань! Это он меня попросил! Господин, я тут ни при чем, я лишь честный мелкий торговец... Если он кого и отравил, я ни сном ни духом!

Сюэ Фэйфэн:

— Готов засвидетельствовать? А?

Хуан Эр заколебался: выступи он свидетелем хоть раз, и к нему за подобными делишками никто больше не обратится.

Лезвие у шеи подвинулось еще на долю цуня. Хуан Эр закивал головой, точно чесночная ступка:

— Готов, готов!

Сюэ Фэйфэн сразу направился в дом Пань, сграбастал Пань Юньшаня и поволок его к

чиновникам. Родители Пань в панике выскочили следом:

— Ты что творишь?! Чем наш сынок тебе насолил?!

Сюэ Фэйфэн не удостоил их взглядом, а лишь указал на Пань Юньси:

— Пойдешь и подашь на него жалобу.

— Совсем с ума сошла?! Родная сестра доносит на родного брата?! — Мать Пань была бабой хитрой и сразу раскусила обстановку.

В эти дни, пока за Пань Юньшанем некому было ухаживать, он целыми днями орал на весь дом. Она по три раза на дню утихомиривала его, истощила все ласковые и строгие слова, обещая, что весь заработок Юньси отдаст ему, а как только Шэнь Цинжань подарит им тех двадцать цыплят, они переберутся за пределы гор — туда, где побольше ученых мужей.

Однако Пань Юньшань и минуты не мог вытерпеть без внимания к своей персоне! Пань Юньси целыми днями плелась вслед за Шэнь Цинжань, к простым курицам относилась с большей лаской, чем к нему, а на его приказы из десяти раз в шести плевать хотела — совсем страх потеряла!

Мать Пань, будто сноп соломы, оттащила Пань Юньси себе за спину:

— Не будем мы больше выращивать твою птицу! Забирай свои деньги назад! У твоего брата здоровье слабое, ступай домой и ухаживай за братом!

Она заметила, что Сюэ Фэйфэн, судя по всему, сам опасается уездных властей и оттого пытается заставить Пань Юньси подать жалобу. Но если запретить Пань Юньси дома, что они смогут с ней сделать?

— Пань Юньшань отравил сорок птиц. Есть свидетели, есть улики. Неужто думаете так просто замять это дело? — Сюэ Фэйфэн перевел взгляд на Пань Юньси за спиной матери. — Жаловаться или нет — выбирай сама.

К кому бы то ни было, кроме Шэнь Цинжань, у него отродясь не водилось терпения. Шэнь Цинжань стала бы исподволь направлять Пань Юньси, а он привык разрубать гордые узлы одним взмахом клинка.

Пань Юньси, дрожа, бросила взгляд на злобный, оскаленный взор Пань Юньшаня. С самого детства ее забивали бранью, и она до мозга костей боялась брата. Девушка понимала: перед ней лежат два пути — либо порвать все узы с родителями, либо до конца дней жить в душной тени Пань Юньшаня.

Пань Юньси долго молчала. Троица семейства Пань переглянувшись, и на их лицах проступило торжество: как-никак родная кровь, неужто она станет помогать чужаку?!

— Да ведь и цыплята, и утята живехоньки! Не смей клеветать! Дойдет дело до господина уездного начальника — сам палками получишь!

Пань Юньшань презрительно зыркнул на Сюэ Фэйфэна:

— Си-эр, помоги брату прогнать этого...

— Я подам жалобу, — тихо произнесла Пань Юньси, а затем повторила громко и твердо: — Я

подам жалобу!

У всей троицы семейства Пань лица мгновенно побледнели! Надо же: вечно трусливая и забитая Пань Юньси словно белены объелась — дерзнула донести на них! Экая корыстная тварь: увидала, что у Шэнь Цинжань есть деньги, и вмиг забыла родительскую заботу!

Родители никогда не встанут на ее сторону — что бы ни сбрендило брату, они поверят ему безоговорочно. Пань Юньси сглотнула слезы. В тот раз она случайно подслушала, как мать шептала Пань Юньшаню: «Не изводись, пока твои раны не заживут, мать не отдаст Си-эр замуж».

Не каждый заслуживает называться старшим братом.

Незамужняя девица, подающая в суд на родного брата... Пань Юньси знала, что это испытание не легче, чем кататься по гвоздям. Но, кажись, она заразилась от Шэнь Цинжань той же слепой верой в Сюэ Фэйфэна и верила, что все закончится хорошо.

Отец и мать Пань позади вопили во весь голос, оглашая окрестности самыми гнусными ругательствами в адрес Пань Юньси. Сюэ Фэйфэн, не теряя времени, скрутил Пань Юньшаня и Хуан Эра и передал их Чан Баю, ожидавшему у горной тропы.

— Отдаю их на твое усмотрение, — велел Сюэ Фэйфэн. — Видеть его больше не желаю.

Дом семейства Пань мгновенно опустел. Сюэ Фэйфэн поразмыслил и вернулся покормить птицу, заодно решив, что и во второй половине дня не пустит Шэнь Цинжань на улицу.

Шэнь Цинжань немного поспал и понятие не имел, сколько событий успело произойти за это время. Все его мысли были заняты кормлением цыплят, так что он побродил по дому, а убедившись, что Сюэ Фэйфэна нет, поспешил выскользнуть наружу.

Издали увидав, как Сюэ Фэйфэн сыплет зерно в загон, он заложил руки за спину и решил незаметно подкрасться сзади, дабы с гордостью продемонстрировать: эти цыплята признают хозяином только его!

«Видал, какой я молодец?»

Шэнь Цинжань опустил взгляд на загон — и улыбка застыла у него на лице.

Птицы с аппетитом клевали корм из рук Сюэ Фэйфэна.

Шэнь Цинжань внезапно вспомнил странное поведение Сюэ Фэйфэна этим утром. В мыслях он тут же воззвал к системе:

«Ты ведь умеешь отслеживать передвижение всех полученных семян, верно?»

Система еще утречком перестала фиксировать жизненные показатели цыплят и утят, но, поскольку Шэнь Цинжань ничего не спрашивал, не стала проявлять инициативу.

[Жизненные показатели отсутствуют. Причина смерти: отравление.]

Шэнь Цинжань едва заметно расширил глаза, мельком глянул на Сюэ Фэйфэна и тут же опустил веки.

Сегодня у дома семейства Пань было необычайно тихо, но Шэнь Цинжань даже не желал

выспрашивать, почему.

Сюэ Фэйфэн наверняка не хотел, чтобы он расстраивался, вот и подменил птицу тайком. Что ж, тогда он сделает вид, будто ни о чем не догадывается — не пропадать же даром стараниям Сюэ Фэйфэна!

Он ковырял ноготь правой руки левым пальцем и жестами передал Сюэ Фэйфэну, что сходит на поле проведать картошку, а тот пусть продолжает кормить.

Стоило ему повернуться спиной, как слезы удерживать стало невыносимо — они хлынули из глаз. Шэнь Цинжань не смел даже утереться и так и шел, умываясь слезами всю дорогу, пока едва не свалился в грязевую яму.

Черный Боб был совсем крошечным цыпленком, с кругляшками-глазками, и всегда расторопнее всех рвался к кормушкам...

Рыжик был самым быстрорастущим, что первее всех вытягивал длинную шею, доставая капустный лист прямо у него из рук...

Зеленушка — спесивым петушком, чьи перья в хвосте на солнце отсвечивали глубоким изумрудным глянцем. Попробуй кто клюнуть его в хвост — спуску бы не дал...

Все они признавали только его, Шэнь Цинжаня, своим единственным хозяином, а к остальным людям относились с полнейшим презрением.

Шэнь Цинжань хоть и отшучивался перед Сюэ Фэйфэном, мол, пуховики и метелки из перьев — вещи весьма практичные, однако постепенно осознал, что у него просто рука не поднимется лишить их жизни.

Шэнь Цинжань вообще-то собирался дать им дожить до глубокой старости!

А все потому, что дурак дураком напридумывал им имен!

Он собственной рукой вытащил их из системы, и сам же накормил отравленным кормом...

Шэнь Цинжань уселся на меже, уткнулся лицом в согнутые локти и зарыдал, размазывая слезы по щекам. Неужели он совершенно не годится для выращивания птицы?.. Будь на его месте настоящая главная героиня, подобной беды бы точно не случилось!

Сюэ Фэйфэн подошел издали. Шэнь Цинжань поспешно отер слезы и сделал вид, что выдергивает сорняки.

— Цинжань, прости меня, — тихо проговорил генерал. Он-то рассчитывал незаметно всё подменить, а вышло лишь то, что Шэнь Цинжань теперь даже поплакать при нем не смеет.

Больше всего на свете Сюэ Фэйфэн сожалел о том, что тогда не окунул голову Пань Юньшаня в воду до самого конца. Бесчисленные уроки жизни твердили ему: проявишь слабость хоть раз — и получишь еще более жестокий удар в ответ. Он четко осознал это на примере Сюэ Лифэна, но все равно не научился быть столь же беспощадным и истреблять врагов до корня.

И теперь не только сам оказался в дураках, но еще и Шэнь Цинжань довел до слез.

Сюэ Фэйфэн прижал к себе дрожащего от всхлипов Шэнь Цинжаня:

— Хочешь плакать — плачь.

Шэнь Цинжань и без того от всякой обиды при виде Сюэ Фэйфэна готов был зарыдать, а тут его прорвало с новой силой!

Уткнувшись лицом в грудь Сюэ Фэйфэна, он изо всех сил замотал головой.

«Хочешь выманить из меня хоть звук? А вот шиш тебе!»

Он вовсе не собирается плакать!

Сюэ Фэйфэн:

— Не сдерживайся, у меня сердце кровью обливается.

Шэнь Цинжаня уже изнутри корчило от потуг сдержаться, а Сюэ Фэйфэн продолжал его распалять. Не выдержав, он разинул рот и впился зубами в Сюэ Фэйфэна!

— Ссс... — Сюэ Фэйфэн ощутил укол боли в груди и лишь тут вспомнил: он ведь доселе видел только, как Шэнь Цинжань роняет слезы, но ни разу не слышал ее голоса, когда та плакала.

Плакса, да еще и донельзя гордая — не хочет подавать голоса?

Сюэ Фэйфэн обхватил пальцами подбородок Шэнь Цинжань и оттащил ее от своего платья. Нынче у него было столько хлопот, а напоследок он не сдержался и отвесил пинка Пань Юньшаню, так что брызги выплюнутой тем крови запачкали одежду, которую он так и не успел сменить.

Сюэ Фэйфэн наклонил голову и губами запечатал беззвучные рыдания Шэнь Цинжаня.

Шэнь Цинжань: «!!!»

Шэнь Цинжаня застали врасплох: едва не вскрикнув от неожиданности, когда его оттащили, он тут же попался в ловушку поцелуя и мгновенно позабыл о слезах.

Что это еще за волшебный способ утихомирить плаксу?!

Шэнь Цинжаня охватила одновременно радость, изумление и смущение. Ему ничего не оставалось, кроме как отключить мысли и про себя восхититься: «Какое счастье... Сюэ Фэйфэн оказывается такой знающий!»

<http://bllate.org/book/17933/1992734>